

Е. С. Малашкина
(к. психол.н. доцент ПСТГУ)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МИССИЯ: К ИСТОКАМ ПОНЯТИЯ

Понятие «миссия», актуализированное в средневековом христианстве, утратило свое первоначальное значение. Однако его психологическое содержание осталось неким инвариантом, отражающим определенную специфику активной деятельности. В настоящее время наблюдается возрастающий междисциплинарный интерес к исследованию миссии, и она становится предметом изучения не только теологии. Это объясняется тем, что миссия является культурным феноменом. При приближении к определению понятия культуры мы считаем важным обратить внимание на то, что культура — это всегда связь с предками.

Для выявления архетипа миссии небезынтересно созвучие слов «миссия» и «мессия». Оно не случайно, поскольку понятие миссии восходит к христианскому ожиданию Мессии. В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля читаем: «Мессия, Помазанник; обращенный Ветхим Заветом Искупитель». Конечно, миссионерство и мессианство это не одно и то же, но очевидна родственность понятий. В христианской традиции миссии придается особая роль. Для полного толкования понятия мы предлагаем использовать метод библейской реминисценции¹. В свете древнейшего свода архетипов, наблюдаемых в Ветхом Завете и составляющих образный строй пророков, можно видеть главную линию, иначе говоря, целеустремленность к основному символу, поэтому они повторяемы в Новом Завете.

Мессианские ожидания повлияли на особенность временных представлений в христианском мировоззрении — время понималось не так, как у других древних народов. Его неповторимость была очевидна для пророков, для которых переход Моисея через Красное море был уникальным историческим явлением. Для Вавилона, Китая, Индии так же, как для древних греков и персов, время было цикличным и все возвращалось на круги своя. Историчность времени в иудео-христианском представлении, т. е. его целенаправленность, определялась приходом Мессии у пророков и воплощением Христа у апостолов. Эту телеологию можно изобразить пересечением исторической горизонтали с Божественной вертикалью. Своеобразное начало координат, где эти оси X и Y пересекаются, мы находим также и при сотворении мира.

Направленность священной истории отражена в канонах — богослужебных произведениях, интерпретирующих ее знаменательные события как главные прецеденты ветхозаветной психологии, которая осуществлена в Новом Завете. Это девятичастная форма, выполненная в традиции греческой поэтики, в которой вторая часть мистически опускается, исключение составляет Великий канон. Каждая часть, называемая одой, т. е. песней, начинается гимном, называемым *ирмос*, который служит запевом, освещающим событие, взятое из Ветхого Завета, а затем следуют тропари, которые в православной гимнографии служат смысловому и поэтическому параллелизму. Эти параллели раскрывают провиденциальный смысл ветхозаветных событий и их завершение в Боговоплощении Мессии. Так, в первой оде первого гласа воскресного восьмигласника, называемого октоихом, истолковано пророческое значение жеста Моисея как архетипа служения: «Крест начертан Моисей, прямо Чермное море пресече». Речь идет о том, что предводитель народа поднятием рук изобразил крест, который чудесным образом раздвинул воды Красного моря, что позволило сделать спасительный переход на другой берег. Это событие является предсказанием распятия Спасителя и Его миссии, которая проведет христианский народ через житейское море искушений к берегу вечной жизни.

Притча о сотворении человека, согласно *Книге Бытия*, говорит о том, что и в нем есть эта точка пересечения, где Божественный «образ и подобие» вошли в человеческую природу. Таким образом, мы видим с одной стороны знак креста, представляющий миссию Бога в человеческой истории, с другой — централизацию личности, которая реализуется в уподоблении Богу. Самореализация личности — в некоем целеполагании, которое осуществляется в служении Богу, как это и понимали в Средневековье.

Интересное осмысление символа креста мы находим в работе Евгения Трубецкого «Смысл жизни». Он рассматривает крест как наиболее универсальное, точное схематическое изображение жизненного пути, независимо от того, стоит человек на христианской точке зрения или нет. «Во всякой жизни есть неизбежное скрещение этих двух дорог и направлений, этого стремления вверх и стремления прямо перед собой в горизонтальной плоскости... Если в скрещении своих линий жизнь достигает своей полноты, своего вечного, прекрасного и неумирающего смысла, тогда крест становится символом этой высшей победы»².

¹ Малашкина Е. С. Почему Священное Писание не знает игры? // Игра в неклассической психологии. М., 2007.

² Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 2003.

Таким образом, крест как символ означает целенаправленность деятельной личности, т. е. миссию и Человеческой, и Божественной личности. В религиозной традиции: миссия человека — служение Богу, а миссия Бога — служение человеку. В нерелигиозном контексте этот *архетип миссии актуален в смысле служения идее или обществу*, он имеет психологическое значение, утратив мистическую составляющую. Мессианская идея свойственна русскому народу, отмечает Н. А. Бердяев, и проходит через всю русскую историю. Для истории русского мессианского сознания большое значение имеет историософская идея о Москве как Третьем Риме. Идея «Москва — Третий Рим» была высказана в посланиях инок Филофея и получила широкое распространение в XVI в. Согласно этой идее, Москва, воспринявшая православно-христианскую традицию от Византии (Второго Рима), призвана быть ее хранительницей. Миссия России быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия³.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова слово *миссия* трактуется как «задание, определенное поручение (возложить важную миссию); жизненная историческая роль какого-нибудь деятеля (выполнить, осуществить свою миссию)». Деятельность, подчиненная некоторой идее, личностная установка с повышенной психологической активностью была идентифицирована Л. Н. Гумилевым как *пассионарность*. Пассионарий жертвует ради идеи собственным благополучием и даже жизнью. Он не может быть бездеятельным, что служит предрасположением к выполнению некоей миссии. Пассионарий, конечно, должен иметь большую восприимчивость к посвящению. Посвящение можно рассматривать как целенаправленное служение. Так, клятва Гиппократова, например, придает работе врача смысл служения человеку и человечеству. Главное содержание посвящения в том, что профессиональная деятельность не является самоцелью, но имеет ценностную ориентацию за пределами самой деятельности, ее инструментального обеспечения и даже самого практикующего сообщества, т. е. вне профессиональной парадигмы. Действительно, посвящение облачает доверием для несения миссии с той или иной степенью самоотверженности, для служения идее, что в каком-то смысле не всегда бывает разумно. Жертвовать собой — это не входит в область рассудочной деятельности, а значит, не рационально. Таким образом, рассматривая понятие миссии, мы ориентируемся если не на полное преодоление рационалистической традиции, то на постижение (что гораздо шире познания) внутреннего мира человека путем осмысления его эмоционально-духовного опыта, нашедшего отражение в народных традициях, искусстве, культуре в целом.

Н. А. Бердяев в своей работе «Русская идея» продолжает развивать тему умопостижения образа русского народа, его идеи: «Для постижения России нужно применить теологические добродетели веры, надежды, любви». По мнению А. Ф. Лосева, русскому миропониманию чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Оно представляет собой внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые не могут быть сведены к логическим понятиям и определениям, они воплощаются в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности. Однако ни пассионарность, ни посвящение сами по себе не обеспечивают развитие личности или общества. Гумилев приводит пример Плюшкина из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Это своеобразный пассионарий, жертвующий своим благосостоянием ради мшелоимства. Из повествования Гоголя видно, что это карикатура психологической активности, реализованной как служение бесполезной идее. Следует заметить, что служение не всегда несет в себе миссию. Так, например, профессиональная деятельность может восприниматься неоднозначно. Важную роль в психологии миссии играют мотивация и целесообразность. Очевидно, что обычная учительская практика может рассматриваться просто как профессиональная деятельность, дающая средства к существованию. Целесообразность учительства может превратить его в миссию, как это было очень распространено в России XIX в., когда народники уезжали из города в деревню, понимая свою деятельность как миссию просвещения. В этом случае даже скромные средства к существованию оценивались высоко в смысле миссии, тогда как иным способом, даже высоких заработков, не придавалось существенного значения.

Начало собственно философского и общественного осмысления проблемы российского мессианства было положено в первой половине XIX в. (П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. К. Аксаков и др.). Интерес к этой тематике прослеживается и во второй половине XIX — начале XX в. (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов и др.) Наиболее известными авторами историософии российского мессианства были такие философы, как В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, Г. П. Федотов, Н. О. Лосский, И. А. Ильин, Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев и др. Сформулированные в течение XIX — первой трети XX века теоретические подходы к феномену российского мессианства сохранили интеллектуальную ценность и продолжают влиять на современный общественный и научный дискурс.

³ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 2000.

Собственно *миссия* — это состояние особой психологической активности. Несмотря на широкое использование понятия миссии как объяснительного, оно не было предметом специального исследования в психологии. С одной стороны, миссия не может быть идентифицирована только в поле деятельности психологического субъекта. Полисемия миссии не может быть исчерпана только в области психологических исследований. Она не определена в терминах существующих психологических подходов. С другой стороны, понятие миссии лишено какого-либо содержания и не имеет смысла, если не дано описание психологических состояний, отражающих миссионерскую деятельность. Эти парадоксы могут быть нивелированы, если достаточно корректно очерчен объем психологического содержания для этого понятия.

Обращение к понятию «миссия» позволяет наиболее полно характеризовать культуру отношения к профессиональной деятельности. Предлагаемое для обсуждения понятие «культура отношения» рассматривается нами как некая составляющая более общего понятия «культура педагогической деятельности». Культура — как заданная идеальная форма отношения, наследующая лучшие традиции и ценности педагогического мастерства⁴. По мнению В. Т. Кудрявцева, миссия предполагает инициативное осмысление ситуативных профессиональных задач в перспективе более широких и значимых целей (тогда необходимость их решения принимается как внутренний долг, а контроль результатов решения становится прерогативой совести). В. Т. Кудрявцев полагает, что личностная и профессиональная позиции совпадают не непосредственно (как это наблюдается в случаях их несформированности), а лишь тогда, когда некоторый круг профессиональных (педагогических) функций осознается субъектом как миссия. Она и есть то, что опосредует эти позиции. Таким образом, выделяется особая социокультурная позиция профессионала, которая детерминирует его личностный рост⁵. Яркий пример отношения к профессиональной деятельности как к миссии показывает Павел Флоренский: «Мне думается, что задачи нашего рода — не практические, не административные, а созерцательные, мыслительные, организационные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности твердо держаться присущей нам деятельности. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, — в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить»⁶. Это завещание, оставленное потомкам, демонстрирует ценностное отношение к профессии, осмысленное как особое достижение, передающееся из поколения в поколение. Именно в профессиональных династиях прослеживается такое отношение к профессиональной деятельности, которое может стать примером истинного служения. Своеобразный «синдром предков», когда выбор профессионального пути соотносится с семейными ценностями, а отношение к делу соизмеряется с неким поведенческим эталоном, который задают родители и прародители⁷.

Идеальной формой отношения к педагогической деятельности, на наш взгляд, является *служение по призванию*, которое мы рассматриваем как *педагогическую миссию*. Основанием педагогической миссии является *доброделание*. Если мы обратимся к истории психологической мысли, то увидим, что *доброделание* не было предметом для специального изучения в психологии. Можно усмотреть причину прохладного отношения психологии к понятию доброделания в том, что оно бросает вызов традиционному психологическому курсу. Для психологии всегда было характерно рассмотрение действий человека как проявления сил или механизмов, действующих по собственной детерминистической логике. Такой подход явно противоречит философскому представлению о человеке и справедливо подвергается критике. Сегодня все более остро звучат слова священника Павла Флоренского: «Научная психология — бездушная психология: ведь и впрямь у людей нашего времени нет души, а вместо нее — один только психический поток, связка ассоциаций, психическая пыль. День мелькает за днем, «дело» — за «делом». Сменяются психические «состояния», но нет цельной жизни»⁸. Именно добротный анализ понятия доброделания с опорой на духовное наследие и труды русских философов открывает путь к изменению традиционной психологической парадигмы и введению в психологию *идеи цельности человека*. Человека, в результате своих действий ориентированного не на культуру полезности, а на постижение свободы, где святость, красота и добро образуют единое целое начало внутренней жизни, а также ее обретение.

⁴ Малашкина Е. С. Культура отношения к педагогической деятельности. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: «Педагогика. Психология» М., 2007. № 1.

⁵ Кудрявцев В. Т., Урузалиева Г. К., Кириллов И. Л. Личностный рост ребенка в дошкольном образовании. М., 2005.

⁶ Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992.

⁷ Малашкина Е. С. Миссия: учитель. // Негосударственное образование. 2005. № 7.

⁸ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М., 2005.

Добродетель возводит нас к той дивной первоначальной красоте, какую человек обладал, будучи создан по образу Божию и подобию. Доброделание есть упражнение в добродетели. Доброделание буквально предполагает «делание», активность личности, переживаемую как ответственность, закон совести. При таком подходе *доброделание* можно рассматривать как *ответственность по совести*, которая открыта должному и возможно, как духовное предвосхищение того, что предстоит⁹. Доброделание это всегда поступок. Нам близок подход С. Л. Рубинштейна, который видит главное отличие поступка в осознанном характере проявляемого в нем отношения¹⁰. У исследователя философии поступка М. М. Бахтина находим: «Только признание моей единственной причастности с моего единственного места дает действительный центр исхождения поступка и делает не случайным начало, здесь существенно нужна инициатива поступка, моя активность становится существенной, долженствующей активностью»¹¹.

По Юнгу, главная характеристика личности — верность закону. «Личность никогда не может развернуться, если человек не выберет — сознательно и с осознанным моральным решением — собственный путь»¹². Личностный путь всегда уникален. Он укрепляется родовыми корнями, пониманием духа своего народа.

Особенности исторического становления Русского государства сформировали мужество, державность, самопожертвование, жизнестойкость. Общинный уклад жизни воспитал семейные добродетели — кротость, совестливость, добродушие и простосердечие. С православием связана исключительная черта русского народа — соборность, развивающая благочестие, миролюбие, милосердие¹³. Таким представляется архетип русского духа как глубинный исток доброделания.

Доброделание как потребность развивается в процессе личностного становления. Ребенок усваивает эталоны поведения, которые наблюдает, общение со взрослым становится основным источником развития. На ранних этапах своего развития ребенок, осуществляя действия, ярко ориентируется на поощрение или наказание значимых взрослых. Следующий уровень морального сознания предполагает возможность ориентироваться на более опосредованные признаки эмоциональной реакции, такие как хорошее отношение, любовь, уважение. Потребность же доброделания полагает совершать деяния не ради полезности или отношения других, а по зову своей души, следования закону: *«Поступаю так, потому что не могу иначе»*.

Таким образом, полисемия самого понятия «миссия» имеет свой психологический якорь, который делает этот термин устойчивым. Данная точка опоры придает ему конкретность и возможность научной верификации. Есть все основания полагать, что миссия как культурный феномен станет предметом перспективных исследований в гуманитарных науках.

Н. Н. Петрикова
(к.п.н., доцент РГСУ)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА МИРА ДЕТСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном образовании в качестве основополагающих ценностей и целей образования выделяют самостоятельность, самоопределение, саморазвитие.

Саморазвитие ребенка как ценность определяет содержание деятельности взрослого и его взаимодействие с детским сообществом. Взрослый включается в совместное с ребенком бытие как носитель существующих культурных смыслов, с помощью которых он сам самоопределяется и помогает самоопределиться ребенку (Е. А. Александрова).

Если ребенок — главная ценность, развитию которой способствует образование, то педагогический процесс в сферах индивидуального развития ребенка и педагогических взаимоотношений строится на определенных нравственных и профессиональных нормах:

- любовь к ребенку, душевная теплота, отзывчивость, сопереживание, доверие, взаимное уважение;

⁹ См.: Малашкина Е. С. Педагогическая деятельность как доброделание // Вестник ПСТГУ. Серия IV «Педагогика Психология». М. 2007. № 2.

¹⁰ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.

¹¹ Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. М., 1986.

¹² Юнг К. Г. Дух и жизнь. М., 1996.

¹³ См.: Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. М., 2006.